ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ РОКОТОВА

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОГО РОМАНА

Ефим Пермитин

ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ РОКОТОВА

Трилогия

КНИГА ТРЕТЬЯ

Поэма о лесах

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1986

Р2
П27

Послесловие *М. Р. Шкерина*

$П\frac{4702010200-199}{М106(03)-86}108-86$

Книга третья

ПОЭМА О ЛЕСАХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Счастье — это ожидание счастья» — слова Анночки, сказанные ею в свадебную иочь, иеотступио преследовали Алексея Рокотова.

Освещеииые луной, загадочно мерцающие ее глаза, ее полураскрытые губы, шепчущие слова любви, вставали перед ним.

И, как всегда в таких случаях, обжигало запоздалое сожаление, что ие сделал для нее чего-то необычно-радостного, ие сказал каких-то теплых, проникновеиных слов, которые скрасили бы ее короткую, полную жертвенной любви жизнь.

Мысль, что он уже никогда не увидит ее, была противоестественна. Алексею казалось порою, что Аниочка и не умерла совсем, а лишь куда-то уехала и что достаточио ему иаписать ей взволнованное письмо, она вернется к нему, и он скажет ей все ие высказаниое раньше. Убедит, докажет, что иет и ие может быть другой женщины, которую он полюбил бы, как ее.

Легко воспламеняющееся его воображение украшало, преувеличивало то, что было потеряно навеки.

Не раз Алексей ловил себя на желаиии иажать на спуск приставленного к груди ружья.

Застрелившиеся в Бариауле прапорщик Короткевич и Шурочка Озогииа казались ему мудрецами: «Все преходяще, все зыбко в этом мире — стоит ли жить?»

Он не зиал еще тогда, что в его годы и счастье и горе воспринимаются с особеииой глубииой и силой. Что человека наряду

И все же, наперекор всему, Алексей не мог смириться с этим, не мог занять «позицию невмешательства» — отменить свое решение. Это было бы равносильно измене самому себе, высокому назначению Человека, великому чувству справедливости.

«Бороться! Только бороться!» — Губы Алексея так сжались, что на обтянувшихся скулах проступили белые пятна.

«Но это борьба и за твое личное счастье,— словно кто-то со стороны вновь подсказал ему.— Ведь охранять родную природу, писать книгу в защиту ее — это же и твое счастье. Ты нашел удивительный способ быть счастливым, а его разрушают районные головотяпы — борись и за него. Бросился в атаку — не оглядывайся назад!

В Москву, в Москву, к товарищу Сталину!..»

Москва в представлении Алексея была кузницей великой правды мира.

За эти годы он полюбил ее и думал о ней с сыновней нежностью. Почему-то родной Усть-Утесовск теперь ему представлялся школой первой ступени, Новосибирск — средним учебным заведением, Москва — мировым университетом: в Москве ЦК и товарищ Сталин.

В Алексее было достаточно сил неискоренимого оптимизма, чтоб решиться на борьбу за справедливое дело.

ЭПИЛОГ

Жизнь как дорога: то поднимается вверх, то опускается под гору, независимо от желания человека.

Житейски мудрый отец Алексея, словно предвидя судьбу сына, еще в начале его пути сказал: «И через не могу — моги, когда грянет даже и неподсильное испытание — а в жизни, сынок, и такое может быть! — чтобы ты его встретил и одолел, как настоящий мужчина».

Алексею всегда казалось, что он хорошо знает себя, но со временем убедился, что это не так. Да и как можно знать себя до конца, когда ты меняешься каждый день! Когда стрелки весов, на которых взвешивалась судьба Алексея, все время колебались.

Утлая его ладья долго плавала по бурному житейскому морю, покуда не выбросило ее на берега родного Иртыша — сначала в захолустный в то время полурусский, полуказахский пыльный областной город Павлодар, а потом в еще более дремучее районное село — Иртышское.

И столько было увидено, пережито, перечувствовано Алексеем,

что не просто трудно, но и невозможно в эпилоге, с его обязательным требованием предельной краткости, рассказать и тысячную часть событий и переживаний, выпавших на его долю. Да и в них ли суть и для Алексея, да, пожалуй, и для умного читателя: ведь прошлое глядится в грядущее. И чтобы смело, с надеждой глядеть в грядущее, нужна великая человеческая цель. Без цели нет подвига жизни.

У Алексея была цель — борьба за торжество справедливости, за счастье. Он всегда жил ожиданием счастья. И оно пришло. Не без борьбы, конечно. Ни при каких обстоятельствах он не позволял себе впасть в безнадежное уныние, уподобиться трупу, влекомому по течению.

Алексей написал новую повесть «Товарищи» — о первых комсомольцах в гражданской войне на Алтае, один из главных героев которой, юноша, прошедший через горнило испытаний партизанских боев, говорит: «Сколько битв еще впереди за тебя, любимая моя страна! Но сколько бы ни было их, сердце мое на всю жизнь безраздельно принадлежит тебе...»

Это были ночи творческих радостей.

А трудности? А огорчения? Но стоит ли вспоминать о них? Алексей хорошо запомнил слова Жореса: «Воспоминания о прошлом должны высекать огонь, а не пепел».

Читатели нередко ждут от авторов счастливых концов в повестях и романах. Но жизненный путь героев не всегда усыпан розами. Да и трескучие финальные фейерверки иной раз не только не будят мыслей, но не трогают и сердца людей, тем самым успокаивая, усыпляя их совесть...

Важно, что Алексей Рокотов и «через не могу — смог», что он выстоял, не утратил веры в светлое начало жизни.

Москва — Десна
1950—1958 гг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первые рассказы Ефима Пермитина были опубликованы в 1923 году, а заключительная книга последнего романа, вот этого,— в шестьдесят девятом. Огромное пространство времени. Почти полвека...

Ефим Николаевич Пермитин родился в январе 1896 года в уездном городе Усть-Каменогорске, расположенном на мысу, в устье двух больших рек — Иртыша и Ульбы, в семье мастерового-кустаря. Отец — столяр и слесарь, мастер на все руки, в семье сам-пятнадцатый, арендовал у местных казаков полторы-две десятины пашни и, как говорили тогда, «присевал», чтобы своим хлебом «ораву» обеспечить. И лошадь своя была у мастера, и корова, и другая домашняя живность. И Ефим-подросток вместе со старшими на поле работал и на охоту хаживал.

Словом, будущий писатель с малых лет, что называется, пупом прирос к крестьянству и крестьянскому труду. И хотя сам крестьянином не был — окончив семинарию, стал учителем,— крестьянские заботы принимал близко к сердцу. На фронтах первой мировой войны он был прапорщиком, командиром роты, на фронтах гражданской — командиром Красной Армии. В годы нэпа он выступил организатором уездного промыслового союза охотников, а потом создал в Усть-Каменогорске журнал «Охотник Алтая», на страницах которого и опубликовал свои первые рассказы. Естественно, героями его произведений были крестьяне и охотники.

Постепенно, однако, он втягивался в среду интеллигенции. В 1925 году журнал «Охотник Алтая» был преобразован из уездного в межобластной под названием «Охотник и пушник Сибири» и переведен вместе с редактором в Новосибирск. Здесь уже была мощная по тем временам писательская

организация, сформировавшаяся вокруг литературного журнала «Сибирские огни». И писатели тут были известные всей стране: Владимир Зазубрин, Феоктист Березовский, Лидия Сейфуллина, Валериан Правдухин, Иосиф Уткин, Анна Караваева, Сергей Марков, Леонид Мартынов, Афанасий Коптелов, Надежда Чертова, Михаил Скуратов и еще более десятка талантливых прозаиков, поэтов, публицистов.

После опубликования на страницах «Сибирских огней» романа «Капкан» и повести «Когти» в журнале «Земля Советская» Пермитин переехал на постоянное жительство в Москву (в 1931 году) и вскоре сблизился тут с крупнейшими писателями страны: с Алексеем Толстым, с Михаилом Пришвиным, Павлом Васильевым, Михаилом Шолоховым, Петром Замойским, Борисом Пильняком и многими другими.

Словом, он оказался в гуще интересов творческой интеллигенции. И хотя продолжал писать о крестьянстве — в тридцатых годах им опубликованы романы «Враг» и «Любовь»,— накапливались у писателя волнующие впечатления о разных слоях формировавшейся в ту пору советской интеллигенции.

Став с переездом в Москву членом редколлегии журнала «Земля Советская» и членом редсовета писательского издательства «Федерация», Пермитин откровенно высказывался — устно и письменно — о прочитанных рукописях: талантливыми восхищался, бездарные отвергал, что называется, с порога. Стоило кому-нибудь в его присутствии начать разговор о текущей литературе, как Пермитин мгновенно воспламенялся, вызвышал свой звонкий голос и говорил, восторгаясь или негодуя...

За четыре года до войны жизнь писателя круто переменилась, ему пришлось покинуть Москву и прекратить литературное творчетво. В средней школе маленького сибирского городка он преподавал русский язык и литературу.

С тревогой входил в класс на первый урок. Шутка ли, в последний раз преподавал в сельской начальной школе перед первой мировой войной! Разумеется, в районном отделе народного образования его вооружили методиками и соответствующими инструкциями, и Ефим Николаевич изучил их так добросовестно, как не изучал, наверно, ни один учитель. Но... как нельзя научиться по известным правилам стихосложения писать талантливые стихи, так нельзя научиться по методикам талантливо преподавать литературу и язык. Нужно было «найти себя» в новом качестве. Пермитину это удалось.

Свою задачу он определил так: привить ученикам любовь к родному слову, к шедеврам русской литературы, а через литературу — к родной земле, к отчизне, возглавившей революционное обновление человечества. Основной метод преподавания — рассказ-беседа.

Русскую литературу он знал широко, любил беззаветно и, естественно, покорил своих питомцев при первом же знакомстве. Этому способствовали и

блестящий ораторский дар Пермитина, и его юношески звонкий, приятельный голос.

Те, кому посчастливилось тогда слушать лекции-беседы Пермитина о русской литературе, наверно, и сейчас рассказывают о них знакомым. И кто знает, скольким из них вложил он в душу любовь к родному слову, и они стали потом страстными пропагандистами художественной литературы, а иные, возможно, и талантливыми писателями.

Но сам Пермитин в ту пору ничего не писал. Не было ни времени, ни сил. Да и бытовые условия не позволяли: с семьей жил в землянке на окраине городка.

Определяющую роль в счастливом повороте судьбы Пермитина сыграл Михаил Александрович Шолохов. Он был с просьбой у Калинина, и Пермитин получил возможность вернуться в Москву.

Это случилось вскоре после Отечественной войны.

В Москву Пермитин вернулся с обдуманным в деталях сюжетом детской повести «Друзья».

— На бумаге даже конспекта не было,— рассказывал потом Ефим Николаевич,— а в уме целые страницы готового текста. Уж как дорвался до письменного стола, за пять иля шесть недель написал. И издали скоро.

Повесть прелестная, поэтичная, жизнерадостная. И время над ней пока не властно. Издана в сорок шестом, а не померкла и в восемьдесят пятом.

После «Друзей» Пермитин взялся за завершение своего старого замысла: сюжетно объединил опубликованные ранее романы «Капкан», «Враг» и «Любовь». Получилась драматически напряженная эпопея под названием «Горные орлы» — о социалистическом переустройстве деревни.

В 1950 году пензенским областным издательством была опубликована маленькая повесть «Лесная поэма». Ее ценность определялась не сюжетом и не характерами действующих лиц, а поэтическим изображением родной природы. Люди где-то на втором, третьем плане, а на первом — лес с его яркими красками, с его звуками, шумами, с населяющими его птицами, зверями. Лес увиден и услышан писателем с удивительной непосредственностью, изображен ярко и притягательно-романтично.

Роман Пермитина «Ручьи весенние» вышел в пятьдесят шестом году. О целине в ту пору было написано много очерков, рассказов, повестей. На общем фоне «Ручьи весенние» выделялись реалистической достоверностью. После опубликования этого романа Пермитин сказал мне, что собирается писать продолжение «Лесной поэмы».

— Влечет меня поэзия русской природы,— говорил он мечтательно.— Я полотна Шишкина люблю. Могу хоть час, хоть два на них глядеть, а потом еще и еще. Но живописец не может передать звуки, а писатель может. И вот хочется мне написать этакую симфонию — пейзаж со всеми его звуками: шумами, шорохами, пением птиц, перекликом зверей. В «Лес-

ной поэме» мне кое-что удалось в этом смысле. Хочу продолжить. Как думаешь, стоит?

— Ты что же, природу хочешь без людей писать, как Шишкин? — спросил я.

— Почему без людей...— Он смутился.— Люди будут. В «Лесной поэме» они есть. Но мне хочется природу на первый план.

Разумеется, писатель вправе, как и живописец, изобразить пейзаж сам по себе, вне связи с действующими лицами или даже при отсутствии таковых. Но ведь писатель обкрадет себя таким-то образом! Пейзаж вне литературного сюжета «сработает» разве что в десятую долю силы. Так я и сказал Пермитину.

В 1958 году появилась небольшая повесть «Раннее утро». Продолжения «Лесной поэмы» не последовало. Но выведенный в ней образ ученого-лесовода Алексея Рокотова полюбился автору, и он не хотел его оставлять. На первой странице повести Алеше Рокотову пять, на последней тринадцать или четырнадцать лет. Никаких указаний на то, что повествование будет иметь продолжение, не было.

Роман «Первая любовь» был издан в 1962 году. Повесть «Раннее утро» вошла в него как первая часть. На последней странице теперь уже значилось: «Конец второй книги». В 1967 году роман снова вышел в двух книгах, но в новом качестве: бывшие первая и вторая составили одну, первую книгу, а вторая была новой. И вот наконец в 1969 году в журнале «Москва» появилась заключительная третья книга — под названием «Поэма о лесах». Из появившейся двенадцать лет назад «Лесной поэмы» в заключительную книгу романа вошло лишь несколько эпизодов. И главный герой Алексей Рокотов уже не лесовод-ученый, а писатель, с биографией, напоминающей пермитинскую.

Образ переосмыслен автором заново. Повесть «Лесная поэма» утратила самостоятельное значение и имеет теперь лишь историко-литературный интерес как первичный материал для трилогии. В свое время так случилось у Пермитина с рассказом «В белках» — он послужил первичным материалом для повести «Когти».

На роман «Жизнь Алексея Рокотова», пока он публиковался частями на протяжении многих лет, появилось много откликов в газетах и журналах. Все без исключения благожелательны, во всех отмечалась автобиографичность романа. В иных статьях образ главного героя Алексея Рокотова отождествлялся с личностью самого автора. Это, на мой взгляд, неправомерно.

В любом романе (кроме разве что исторических) можно обнаружить факты из биографии автора. Это общеизвестно. В последнем романе Пермитина таких фактов очень много, и они бросаются в глаза. Критики справедливо обращали на это внимание. Но выводы иной раз делались неверные,— дескать, автобиографичность усиливает достоверность.

Если роман — художественная автобиография, то почему в нем речь

ндет не о Пермнтние, а об Алексее Рокотове? И почему повествование ведется не от первого лица, а от третьего? «Детство», «В людях», «Мон уинверснтеты» Горький, например, напнсал от собственного нмени. Почему бы не сделать того же н Пермитнну? Да потому, что сюжет романа шнре ввтобиографии.

Автобнография стеснила бы пнсателя, огранnчнла бы его творческие возможностн. Из иее что угодио можно исключнть, но ровно ннчего нельзя прнбавнть. А Пермитин прнвык обогащвть, усиливать, усложнять, заострять характеры действующнх лиц, драматизироввть сюжетные снтуацнн. Да н повествованне от первого лнца было бы для него непрнвычно н стесннтельно.

Итак, ромаи, а не ввтобнографня. Чнтателю решительно все равно — соответствуют факты бнографнн Пермнтнна фвктам бнографнн Рокотова нлн не соответствуют. Достоверность всего, что нзображается в ромаие, определяется не ссылками на какие-то «подлнннные» факты, а художественной убедительностью представленных писателем сцен, картин, характеров действующнх лнц, дрвматнческих, трагнческих, юморнстнческих ситуацнй.

Этот роман необычен для Пермнтнна. Всю жизнь пнсал о крестьянстве н вдруг — о художественной ннтеллнгенцнн! Но это «вдруг» накапливалось десятнлетнямн и вылилось не экспромтом.

Глввная сюжетиая лиииня этого монументального ромаиа — как сын мастерового Алексей Рокотов стал пнсателем.

Чнтатель прикован к этой кннге не остротой сюжетной завязки, а поэзней человеческнх отношеинй н поэзней природы.

Особую ценность представляют портреты нзвестных пнсателей: Горького, Толстого, Сергеева-Цеиского, Шолохова, Сейфуллиной, Зазубрниа, Батрака н миогнх другнх. Онн оставили нам немеркнущне кннги. Пермитин зарнсовал нх разнообразные яркне характеры. И — эпоху, в которой онн сформнровалнсь.

Трилогня охвmывает приблнзительио сорок лет жнзнн — с конца девяностых годов прошлого века до конца трндцатых годов века нынешнего. Бурное, сложное время! Первая мнровая войнв, трн революцин, войиа гражданская, нэп, коллектнвизацня, индустриализация, созндаиие новой культуры, новых взанмоотиошений между людьми. Было бы неправомерио требовать от автора романа отражения всех этнх гнгантских событнй. Но было бы н удивнтельно, еслн бы этн события вовсе не нвшлн отражеиия в романе. Наша лнтература всегда была проникнута большнмн общественными интересами. То же можио сказать н о всем творчестве Пермитниа, н о последнем его романе.

Михаил Шкерин

СОДЕРЖАНИЕ

ЕФИМ НИКОЛАЕВИЧ ПЕРМИТИН

ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ РОКОТОВА

Трилогия

Книга третья

Поэма о лесах

Редактор *И. Плахотникова*
Художественный редактор *Н. Егоров*
Технический редактор *В. Соколова*
Корректор *Г Панова*

ИБ № 4324

Сдано в набор 03.12.85. Подписано к печати 04.02.86. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Гарнитура литерат. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 17,29. Тираж 300 000 экз. Заказ № 703. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Пермитин Е. Н.

П27 Жизнь Алексея Рокотова: Трилогия. Кн. 3. /Послесл. М. Р. Шкерина.— М.: Современник, 1986.— 269 с.— (Б-ка российского романа).

«Поэма о лесах» — третья книга, завершающая многоплановую эпопею Ефима Николаевича Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова». Художник вводит нас в литературную среду 30-х годов, воссоздает портреты своих современников — А. М. Горького, М. Шолохова, Л. Сейфуллиной, Вл. Зазубрина и др.

Герой этой книги Алексей Рокотов, прошедший суровые жизненные испытания, предстает перед нами уже сложившимся человеком, писателем-гражданином.

П $\frac{4702010200-199}{М106(03)-86}$ 108—86

ББК84Р7
Р2

